

— умением размышлять и самостоятельно извлекать смыслы из продуктов культуры, интерпретировать произведения профессионального духовного производства;

— знанием языков различных сфер культуры, умением самостоятельно ориентироваться и свободно перемещаться в пространстве культурного многообразия;

— способностью вести диалог: выражать себя в слове и вслушиваться в слово, улавливать и артикулировать мысли, аргументировать свое мнение, выстраивать рассуждение.

Гуманитарная образованность становится существенным фактором развития духовной культуры именно потому, что не сводится к начитанности и знакомству с шедеврами художественного творчества, но выражается в развитии аналитических, критико-рефлексивных качеств сознания, позволяющих личности осуществлять ценностно содержательную деятельность и достигать взаимопонимания с другими людьми.

#### *ЛИТЕРАТУРА*

1. Ерасов Б. С. Социальная культурология: Пособие для студ. высш. уч. заведений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 1996.
2. Культура: теории и проблемы: Учебное пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей М.: Наука, 1995.

**Ю. Г. Кустова**

#### **ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ХАКАСОВ В 20–30-Е ГОДЫ XX ВЕКА**

Ко времени начала сталинских репрессий 30-х годов XX века хакасская традиционная культура уже подверглась весьма значительным изменениям. Это было связано, прежде всего, с началом массового переселения русского населения в эти края (в начале XX века), а также с процессами консолидации среди тюркских этнических общностей Минусинской котловины, которая завершилось в первой четверти XX века.

Ещё в XIX веке население Минусинской котловины считалось кочевым [1], хотя уже тогда большинство местных жителей вело полуоседлый образ жизни. Следует отметить, что традиционная культура хакасов была основана на отгонном скотоводстве при участии земледелия и значительной роли собирательства и охоты. В первой четверти XX века хакасы стали еще в большей степени оседлыми, благодаря переходу к пашенному земледелию. Издавна хакасы разводили лошадей, овец и крупный рогатый скот, называя себя «трёхстадным» народом. В XIX веке под влиянием пришлого крестьянского населения в хозяйстве появились свиньи, козы и домашняя птица. Ко времени Октябрьского вооруженного восстания 1917 года аборигенное население Минусинской котловины уже стало приобщаться к рыночным отношениям: крупные торговые рынки существовали в Минусинске, Красноярске, с. Аскиз и с. Таштып.

Сложности с переходом к рыночному хозяйству у хакасов, как и у многих народов России, были связаны с отсутствием у инородцев частной собственности на землю, поскольку при царском правительстве и во времена Советской власти вся земля принадлежала государству, которое взимало за пользование землей подушевую подать, лесной налог, ясак и другие налоговые сборы. Хакасы пользовались землей и для выращивания

культурных растений и для разведения скота, а с переходом к оседлости возникла необходимость и в сенокосных угодьях. Все земли распределялись между родами и фамилиями на основе договоренности одноулусников между собой. Однако нормы обычного права в регулировании отношений всегда превалировали над государственными законами. Утверждение в Хакасии Советской власти местное население сначала восприняло с энтузиазмом, так как лозунг «земля — крестьянам» отвечал обычаям и надеждам хакасов. Но очень быстро наступило разочарование, поскольку собственником земли стали не скотоводы, а государство. В 1920 году была введена подразвёрстка, а в 1921 году — продналог, которые фактически положили начало процессу разорения скотоводов. Активные военные действия в рамках Гражданской войны шли до 1922 года, затем Советская власть окончательно утвердилась на территории Хакасского округа. Тем не менее сопротивление хакасов Советской власти продолжалось до 1931 года (партизанскими методами).

С 1924 года начинаются репрессии против местного населения, которые вначале носили экономический характер. С этого времени был введён единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН), взимавшийся в зависимости от размеров земельного надела. Единоличники уплачивали налог в двойном размере. Заплатить налог можно было только деньгами, что подрывало основы личного хозяйства, так как в этом случае требовалось продать скот, часть зерна или иметь нетрудовые заработки. Продажа зерна или скота неминуемо влекла за собой обвинение со стороны органов власти в спекуляции.

С 1929 года разворачивается кампания по организации колхозов, а также ужесточаются репрессии. «Лишенцы», т. е. лишённые избирательных прав граждане, не могли вступить в колхоз, но именно они, как правило, обладали большим количеством скота, обрабатываемой земли и т. д. Лишение избирательных прав приводило к обнищанию местного населения, но с этого времени людей начинают отправлять в ссылки (внутри Хакасского округа или, чаще, за его пределы). Настоящих баев, владевших значительным количеством скота, к этому времени уже не осталось (они были уничтожены ещё в ходе Гражданской войны), но имелись так называемые середняки, которые не желали вступать в колхозы. Именно против них и были направлены карательные меры.

Для анализа социальных процессов, происходивших в то время, автором была выбрана группа родственников, проживавших в Аскизском районе Хакасского округа в 20–30-е годы. Архивы по их уголовным делам были недавно открыты и стали доступны для ознакомления. В делах, кроме решения о лишении избирательных прав, содержатся ценные сведения об экономике личных хозяйств. Как следует из дел, к этому времени в хозяйстве середняка было около 10 лошадей, 12–14 голов крупного рогатого скота, 30 овец, незначительное число коз и свиней. Кроме того, каждая семья владела, как правило, земельным участком для посадки сельскохозяйственных культур (пшеница, ячмень, овёс, конопля) площадью от 3 до 9 га. В хозяйстве имелись жилище и другие постройки, а также инвентарь, в том числе для обработки земли. Формирующимся колхозам всего этого очень не хватало, а отдавать добровольно, вступив в колхоз, никто из единоличников не соглашался. Для того, чтобы экспроприировать имущество следовало разорить владельца хозяйства, что можно было сделать, лишив гражданина избирательных прав. Для этого повышался ЕСХН, который исчисляли, исходя из стоимости всего хозяйства, включая поголовье домашнего скота, земельный надел, доход от сдачи в найм сельхозтехники, а также нетрудовые доходы (например, от шаманской деятельности). После подсчета доходов за год, половину следовало уплатить в качестве налога. Подавляющее количество семей этого сделать не могло, поэто-

му в личных делах присутствуют заявления от граждан с просьбой вернуть им избирательные права [2].

Экономика традиционного хозяйства у хакасов во многом держалась благодаря найму помощников, особенно для ухода за скотом. У хакасов существовал обычай взаимопомощи, когда бедные родственники нанимались на работу к своим более обеспеченным сородичам. Чаще нанимались подростки-мальчики с целью собрать деньги на свадьбу и калым за невесту. Девочки нанимались в том случае, когда родители не могли обеспечить им достойного приданого. Девочки в основном занимались домашними делами, убирались в юрте, ухаживали за маленькими детьми. Взрослые мужчины и мальчики в основном шли работать чабанами. В таких случаях часто оплата производилась не деньгами, а скотом и одеждой. Иногда взаимопомощь оказывалась в течение краткосрочного периода для исполнения каких-то конкретных работ — стрижка скота, сенокос и т. д. Часто богатые хакасы отдавали часть своих посевных земель для того, чтобы их засеяли бедные родственники. Род у хакасов нес ответственность за всех членов рода, даже самых «никчемных», поэтому во взаимопомощи никогда не отказывали. Хакасы полагали, что только благополучие всех членов одной кости (сеок — род, кость) обеспечивает целостность рода и его благосостояние. Взаимопомощь касалась не только хозяйственной деятельности, но оказывалась и тогда, когда какая-то семейная пара не могла родить собственных детей, в этих случаях многодетная семья отдавала своих детей на воспитание к родственникам. Для хакасов было характерно, что дети считались своими для всех родственников одновременно, а не только для биологических родителей.

При наличии такого обычая очень легко было объявить малоимущих хакасов батраками, а их богатых родственников кулаками. Тем более, что порой в найм шли и неродственники. В делах группы исследуемых родственников чаще всего встречается имя одного человека, нанимавшегося ко всем по очереди, а потом писавшего доносы об использовании труда батраков. Этот же человек писал доносы и за других людей (неграмотных), заставляя их ставить свои подписи (судя по документам, чаще всего обманом) [3]. В делах есть и комментарии к его оговорам, например, «У. Г., человек с большой преступной психологией» [4], «У. Г. и У. К. (отец У. Г. — Ю. К.) мстят ему из-за того, что растравили кооперативное имущество, а хотели сделать виноватым сына Кызласова, но не получилось» [5] и т. д. Однако впоследствии сам У. Г. был также лишен избирательных прав.

Доносы писали и родственники. Особенно поражает дело Василия-Обрая Кидиекова, которого вместе с матерью оговорил родной брат Алексей. В результате семью Василия (жену, маленького ребёнка и мать) выслали в отдаленные районы Хакасского округа, дав им с собой только самое необходимое для выживания — одну лошадь, одну корову, плуг, телегу, сбрую, пару топоров и пил. Зато в колхоз отошло:

«Дом 2-хэтажный, 4 комнаты — 1. Амбар 2-хэт. 4. — 1. Юрта, покрытая тёсом — 1. Избушка — 1. Сарай — 1. Стайки — 9. Бороны дерев. — 2. Телега рабочая — 1. Сбруи, хомут с пол. — 3 компл. Плуг старый — 1. Дуги старые — 3. Плуг ... — 1. Грабли конные — 1. Сани — 3. Лошадь рабочая — 1. Кобылиц — 3. Корова старше 3-х лет — 2. Корова от 1 до 3-х лет — 3. Овец — 26» [6].

По прошествии лет этот дом, а также дом еще одного сосланного брата Василия — Николая Кидиекова, были разобраны, из бревен домов мой дедушка (Конон Николаевич Кидиеков) построил здание для школы, в которой он и стал директором, там же учителем работала и моя бабушка — Нина Гавриловна Топоева. Алексей Кидиеков (доносчик)

в том же году разделил хозяйство со своей матерью и братом и добился того, чтобы семья брата выплатила ему 400 рублей, не претендуя на дом, скот и сельхозорудия. Алексея признали неимущим, что дало ему право поступить на педагогические курсы в с. Таштып. Но через некоторое время сход бедняков с. Картузов лишил его избирательного права, поскольку он не ухаживал за метарью, фактически бросив её, а имущество разделил фиктивно. Дело осложнялось тем, что старший брат Василий в это время находился «в бегах», так как числился в «банде» Кидиекова. Конон Николаевич Кидиеков, мой дедушка, рассказывал, что в течение всей своей жизни избегал общения со своим дядей-доносчиком, никогда не доверял ни ему, ни его детям.

В 1930–1931-х годах власть предпочитала уже репрессировать не «лишенцев», а так называемых кулаков, причём их выселяли не в пределы Хакасского округа, а в незаселённые районы Сибири. Например, членов моей семьи выселяли в Томскую (фамилии — Кидиековы, Топоевы) и в Иркутскую и Кемеровскую (фамилия Кызласовы) области, а также в Красноярский край. Вот как описывал это Моисей Егорович Кызласов: «Отца и старшего брата... арестовали... расстреляли в Минусинской тюрьме, а нас — мать и четверо детей — сослали в Сергеевский район Томской области. Там в тайге, в 120 км от райцентра, нас вместе с другими ссыльными бросили на выживание. Несколько семей объединялись, сообща строили бараки. За лето все обустроились. Работали на раскорчёвке леса. На очищенных участках земли выращивали зерновые культуры. Зерно сдавали государству.

В 1934 г. наша семья вернулась домой, в Кызлас...» [7]

Мой дедушка (Конон Николаевич) был также в ссылке в Томской области, в Новокусовском районе. Он рассказывал, что «раскулаченных» там было так много, что селились семьями и родами. Созданным поселениям даже давали хакасские названия, по месту своего прежнего проживания в Хакасии [8].

Согласно принятому 11 февраля 1930 года «Дополнению к постановлению президиума Сибкрайисполкома о подготовке к переселению кулацких хозяйств в отдаленные необжитые районы», из Хакасского округа следовало переселить 354 хозяйства — в Приангарский район Канского округа. При этом, поскольку семьи переселялись в совершенно необжитые районы, им следовало брать с собой так называемый специальный натуральный фонд, состоявший из: «1. лошадей — 1, 2. плугов — 1/3, 3. борон — 1/4, 4. кос — 3, 5. серпов — 2, 6. молотков или бабок для кос — 1/3, 7. вил железных — 1, 8. лопат — 2, 9. саней или телег — 1, 10. сбруи комплектов — 1, 11. пил поперечных — 1, 12. пил продольных — 1/10, 13. топоров — 2, 14. кузнечных инструментов — 1/20, 15. столярных инструментов 1/20, 16. ломов — 1/5, 17. кирок-мотыг 1/5, 18. рыболовных и охотничьих принадлежностей (кроме ружей) комплектов в зависимости от наличия».

«... 3. ...Переселяемым семьям необходимо оставить минимальное количество продовольствия из расчёта пребывания в пути следования до 2 месяцев, т. к. в дороге питание будет производиться за счет переселяемых семейств. Каждой переселяемой семье разрешается иметь денег до 500 рублей».

«... 5. На расходы, связанные с переброской кулацких семей, предложить ОИК изыскать по 25 рублей на каждую перебрасываемую на север кулацкую семью. Средства эти могут быть изысканы как непосредственно от каждой семьи, так и от организаций, принимающих кулацкое имущество (т. е. колхозы. — К. Ю.), или за счет местного бюджета.

11. Срок начала переселения назначить 25 февраля 1930 года» [9].

В дальнейшем этими указаниями руководствовались и в случаях переселения внутри Хакасского округа, и при возвращении ссыльных в свои села. Данные меры не позволя-

ли существовать индивидуальным, единоличным хозяйством, и, чтобы прокормить семью, оставался единственный выход — вступить в колхоз.

Таким образом, социально-экономические меры, проведённые государством, — лишение избирательных прав, повышение сельскохозяйственного налога для единоличников и массовое переселение «кулаков» в отдалённые районы — привели к масштабной трансформации традиционной системы хозяйственного уклада и ломке внутриобщинных связей хакасов.

После 1934 года обычай взаимопомощи в хозяйственной деятельности практически исчезает, так как в нём отпала необходимость. В личных хозяйствах скота оставалось очень мало, нормой стало наличие одной коровы на семью, одной лошади, около 15 овец. Личные пашенные угодья исчезли полностью — зерновые культуры сеяли лишь в колхозах. Зерно теперь можно было получить только за трудодни в колхозе. С 1930-х годов на территории Хакасского округа начинается организация МТС (машинно-тракторных станций), которые к концу 1930-х годов вытеснили сельскохозяйственные орудия хакасов, такие как плуг, борона, сенокосилки и т. д. Пастбищные угодья отошли к колхозам, поэтому личный скот можно было пасти либо на отдалённых территориях, либо кормить исключительно сеном. С этого времени появляется новая традиция пастьбы: личный скот в деревне объединяли в единое стадо и пасли по очереди. Чаще это касалось выпаса овец и крупного рогатого скота, за которыми нужен обязательный присмотр, лошади часто до сих пор пасутся самостоятельно [10].

По свидетельству информантов, приблизительно со времен Гражданской войны возникает еще одна черта скотоводческого хозяйства: чтобы не отобрали скот («белые» или «красные»), его угоняли в отдалённые части тайги, где пасли в логох, в ущельях члены семьи хозяина (чаще мальчишки-подростки). Информанты рассказывают, что скот могли угонять даже в Туву [11].

Сам хозяин не мог оставаться со скотом, так как сразу его могли обвинить в «кулачестве», а последствия такого обвинения для семьи могли быть трагическими. В случае необходимости (например, если нужно было продать часть скота для уплаты налога, или семье в деревне требовалось мясо) кто-то из родственников приходил за скотом в тайгу. То же самое делали, если хозяин семьи уходил в «банду», находился в составе партизанского отряда или был в «бегах». Таким образом скот скрывали от учета.

Несмотря на серьезные изменения в системе хозяйствования, большинство обычаев, связанных с домашним бытом, с социальными отношениями в семье, не претерпевали изменений. Недостаток в пище, возникший в результате уменьшения поголовья скота, и потребления зерновых культур, восполнялся за счёт продуктов собирательства, охоты и рыболовства. Хакасы употребляли в пищу корни сараны (лилия кудреватая, или *Lilium mártagon*, употребляется в сушёном, жареном, варёном виде и т. д.) и кандыка (лилейные, Кандык сибирский, *Erythronium sibiricum*, употребляется так же, как и сарана, используется для приготовления традиционного хакасского напитка *абыртха*, похожий на квас, освежающий напиток, с небольшим содержанием алкоголя), которые собирали в тайге. Корни сараны и кандыка являются ценнейшим источником белков и углеводов, заменяя крахмалистые продукты. Корни высушивали, толкли и варили в молоке или воде, загущали такой мукой супы. В больших количествах заготавливали кедровый орех, собирали дикое просо, ягоды, грибы. Для заваривания чая использовали чабрец, белоголовник, смородиновый и малиновый лист, высушенные листья, стебли дикой клубники и другие высушенные или вяленые ягоды. По возможности мужчины ходили на охоту, добывая в основном мясных зверей, пушная охота отошла на второй план. Дети, как

правило, ловили сусликов (активно использовались в пищу в этот период, а также в 90-е годы XX века) или рыбу. Так как хакасы старались сохранять традиционную систему питания, в обиходе использовалось много элементов домашней утвари — прежде всего, ручная мельница *тербен*, посуда для поджаривания зерна *хоргыс* (а также для корней саранки и кандыка), ступа (*sofah*) и пест (*sofah палазы*) для обрушивания зерна, маслобойка, веялка для зерна и др.

Из-за отсутствия в продаже тканей и ниток, применявшихся хакасами для пошива традиционного костюма, началось использование хлопчатобумажной и других видов дешевых тканей в пошиве одежды. В это время почти исчезла традиционная вышивка шелком. Более того, стало небезопасно иметь костюмы с богатой вышивкой, поскольку владельца такой одежды могли обвинить в «кулачестве». Вышивка была заменена аппликацией — нашивками из ткани другого цвета. В частности, информанты рассказывают, что на женском платье традиционно должны были присутствовать орнаменты по подолу, на манжетах и плечах, чтобы злые духи (*айналар*) не могли приблизиться к телу человека. Начиная же с 1930-х годов, орнамент заменили ленты, отличного от основного цвета платья оттенка или просто полосы другого материала [12]. Вместе с тем при отсутствии возможности купить готовое платье, верхнюю одежду или обувь хакаски могли их сшить сами.

Кардинально изменилась прическа хакасов, мальчиков часто брили наголо, взрослые женщины стригли волосы коротко и прятали их под платок. Традиционные девичьи косички уступили место стрижкам, заплетаниям двух косичек (что раньше было невозможно для незамужних женщин) и другим прическам, что диктовалось, прежде всего, модой того времени, привнесенной русскими переселенцами.

Серьезные изменения произошли в религиозной жизни хакасов. Двое из членов моей семьи подверглись репрессиям как шаманы [13]. Хыйлаг Кидиеков, являясь шаманом, также был активным членом «банды» Кидиекова. Его настолько боялись в округе, что даже собрать сведения о нем оказалось крайне сложно. В его уголовном деле фигурируют разные варианты возраста Хыйлага, численности его семьи. Как было закреплено официально, Хыйлага расстреляли советские карательные органы в 1931 году одновременно с уничтожением «банды» Кидиекова. По архивным данным, из банды было арестовано 54 человека, 26 человек расстреляно, 25 отправлено в исправительно-трудовые лагеря, 3 — в ссылку [14]. Сразу после этого в Хакасии отмечено появление легенд, связанных с личностью Хыйлага. Они бытуют до сих пор и передаются из уст в уста местными жителями. Одна из легенд рассказывает, что Хыйлаг, будучи в заключении, ничего тюремного не ел и не пил. Попытки охранников сломать его сопротивление не увенчались успехом. На расспросы, как же он выживает, Хыйлаг объяснял, что он питается дымом от пищи, сжигаемой его родственниками [15]. Другая легенда повествует о том, что представителям Советской власти убить Хыйлага не удалось. Сначала его попытались зарубить шашкой, но шашка каждый раз ударялась о берёзу, к которой Хыйлаг был привязан. Он же оставался без царапины. В конце концов комиссар велел Хыйлагу бежать в сторону леса, предупредив, что ему будут стрелять в спину. Но ни одна из пуль не попала в Хыйлага, и он сумел сбежать в тайгу [16]. Как происходило дело, восстановить теперь вряд ли удастся. Однако мои родственники общались с Хыйлагом вплоть до конца XX века. Он сумел скрыться и долгие годы жил в Тувинской Народной Республике, где сменил имя, женился и периодически посещал родное село, общался с близкими ему людьми. При этом своё настоящее имя Хыйлаг никому не открывал. Личность Хыйлага настолько прочно закрепилась в хакасской

культуре, что по мотивам легенд о нем хакасским писателем М. Е. Кильчичаковым была написана очень популярная пьеса «Всходы», входящая в репертуар современных хакасских театральных коллективов.

Новая власть повела борьбу не только с традиционными социально-экономическими отношениями хакасов и противниками насаждаемого строя. Массовым репрессиям подверглись и духовные лидеры хакасов — шаманы. Например, в 1930-е годы занятия шаманской деятельностью неизменно приводили к уголовному преследованию. По этой причине камлания начали скрывать. Стало обычным явлением, что шаман камлал глубокой ночью или в месте, удалённом от деревни. И хотя шаманская деятельность (лечение болезней, помощь роженицам, испрашивание благополучия для продолжения рода, увеличение поголовья скота и т. д.) продолжалась, теперь она проходила бесшумно. Поскольку в сложившихся условиях невозможно было использовать бубен с колотушкой, а также костюм, снабжённый металлическими бубенцами и подвесами, издававшими характерный сильный шум. Исчезновению из шаманской практики традиционных атрибутов способствовали также их изъятие и уничтожение милицией. Преодолевая сопротивление властей, шаманы перешли к новому варианту камлания, когда использовался любой предмет, позволяющий пусть даже отдалённо имитировать бубен. Вначале это были емкости для поджаривания зерна — *хорхгыс*, или сковороды, кастрюли, бронзовые зеркала, ножи, а затем даже штаны, платки и лоскуты ткани. По свидетельству информантов, одна шаманка камлала при помощи костяного гребешка [17]. Шаманы отказались от специальной одежды, способной выдать их деятельность. Даже «бесшумный» традиционный головной убор был заменен платком или обыкновенной шапкой. Правда, шапка при камлании надевалась задом наперед или выворачивалась наизнанку, плотно закрывая глаза или пол-лица шамана.

Значительные перемены произошли и в шаманском устном творчестве. Несмотря на то, что обычные сюжеты сказаний о шаманских «чудесах» и «подвигах» не исчезли, они стали фигурировать вместе с рассказами об арестах, заключениях в тюрьме и расстрелах шаманов. Можно сказать, что сакральные предания слились с историко-этнографическим фольклором. Главным преобразованием в шаманизме явилось исчезновение обязательной системы обучения, когда старый опытный шаман передавал свой дар и сакральные знания неопиту. Хакасские шаманы, принадлежа определенному роду, функционировали внутри него, и при ломке родовых связей нарушилась духовная преемственность. Единый родовой шаманский организм был разрушен. Он распался на отдельные группы «знающих», «видящих духов», «шаманствующих» [18]. Представители этих групп стали осуществлять ритуальные действия, в большей степени полагаясь на индивидуальные представления, а не на установки конкретной традиции.

Члены моей семьи, выжившие и вернувшиеся из ссылки, впоследствии никогда не могли избежать пристального внимания со стороны органов Советской власти. Начиная с 1933-го года, их начинают привлекать уже к уголовной ответственности, обвиняя в «контрреволюционной деятельности» и «вредительстве». Некоторые из них были объявлены «врагами народа», как, например, моя прабабушка Прасковья Лаврентьевна Топоева (Кызласова). Её муж Гаврила Павлович Топоев умер в ссылке в Томской области. Прасковья вернулась на родину и вступила в колхоз. В 1933 году она была арестована как «враг народа» за «вредительство» (в колхозном стаде умерло несколько телят) и заключена под стражу в Минусинскую тюрьму [19]. Потом по решению «тройки» ее отправили в исправительно-трудовой лагерь в г. Свободный на 5 лет по обвинению по статье 58-10 (реабилитирована в 1997 году решением прокурора Республики Хакасия).

Традиционные хозяйственные занятия хакасов в это время фактически исчезают. Родовые и семейные связи начали разрушаться, доверие внутри семьи осталось только между теми родственниками, которые вместе пережили ссылки и лагеря. Во время сталинских репрессий исчезли многие обряды хакасов, такие как свадебный обряд, обычай кражи (карамчения) невесты, родовые моления и др. Исчезает языковая культура, с этого времени фиксируется, что разговаривать между собой на хакасском языке становится стыдно, и не только в присутствии русских [20].

Таким образом, даже этот беглый обзор, проведённый на анализе биографий членов одной семьи, позволяет представить всю масштабность перемен, произошедших в культуре хакасов в период становления Советской власти. Эти перемены кардинально изменили не только хозяйственный уклад, подорвали внутриобщинные и родовые связи, но также деформировали духовную сферу хакасского общества.

### ЛИТЕРАТУРА

1. Государственное казённое учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (далее — ГКУ РХ). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 116. Л. 2. Головачёв П. М. Взаимное влияние русского и инородческого населения Сибири. М., 1902. С. 5.
2. Дело Конона Николаевича Кидиекова. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-39. Оп. 2. Д. 64. Л. 1.
3. Дело Кызласова Сампира. ГКУ РХ «Национальный архив» Ф. Р-39, Оп. 2. Д. 906. Л. 43.
4. Дело Кызласова Паны. ГКУ РХ «Национальный архив», Ф. Р-39, Оп. 2. Д. 906. Л. 28.
5. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-39. О. 2. Д. 910. Л. 13.
6. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. Р-39. О. 2. Д. 864. Л. 18.
7. ГКУ РХ «Национальный архив», Ф. 911. О. 1. Д. 29. Л. 1.
8. Полевые материалы автора (далее — ПМА), сообщение Кидиекова Конона Николаевича, род. Халарлар, 1918–2009.
9. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 911. О. 1. Д. 20. Л. 1–4.
10. ПМА, сообщение Сербигешево К. А., Кокошниковой А. Н. и др.
11. ПМА, сообщение Кидиекова К. Н.
12. ПМА, сообщение Ботиной А. П.
13. ГКУ РХ «Национальный архив». Дело Кызласова Апсолина. Ф. Р-39. О. 2. Д. 939. Л. 6, 7. Дело Кидиекова Хыйлыга. Р. 39. О. 2. Д. 940. Л. 3.
14. ГКУ РХ «Национальный архив». Ф. 911. О. 1. Д. 13. Личный фонд Н. С. Абдина, л. 4. Впоследствии 37 человек были реабилитированы, а 17 получили отказ в реабилитации.
15. ПМА, сообщения Горбатова Л. В., Кидиековой М. Н.
16. ПМА, сообщения Кидиековой М. Н., Кидиекова К. Н., Кабаевой Н. Н.
17. ПМА, сообщение Горбатова Л. В.
18. Харитонова В. И. Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 2006.
19. ПМА, сообщение Кидиековой М. К.
20. ПМА, сообщение Кидиекова К. Н., Сунчугашевой Е. А. и др.

### СВЕДЕНИЯ ОБ ИНФОРМАНТАХ

Александра Прокопьевна Ботина, род. в 1928 г., с. Доможаково Алтайского района, Республика Хакасия.



Екатерина (Каса) Андреевна Сунчугашева, 1925–1997, с. Верх-Аскиз, Республика Хакасия.

Конон Николаевич Кидиеков, 1918–2009, с. Кызлас, Республика Хакасия.

Леонид Васильевич Горбатов, шаман, с. Бельтырское Аскизского района, Республика Хакасия.

Маргарита Кононовна Кидиекова, род. в 1945 г. Проживает в с. Аскиз, Республика Хакасия.

Матрёна Николаевна Боргоякова (Кидиекова), род. в 1914 г., с. Аскиз, Республика Хакасия.

Нарисса Николаевна Кабаева (Кидиекова). 1910–2002, с. Кызлас Аскизского района, Республика Хакасия.

Клара Артамоновна Сербигешева, род. в 1963 г., с. Казановка, Республика Хакасия.

Александр Николаевич Кокошников, род. в 1957 г., с. Казановка, Республика Хакасия.